

Натуралистские объяснения в социологии

А.А. Кожанов

Работа построена на методологическом анализе натуралистской парадигмы в социологии - основной концепции научного объяснения. Главная идея состоит в том, что эффективное использование социологических схем невозможно без осознания глубинных механизмов научного вывода. Как говорил М.Метерлинк: "Нет чудес, кроме истины..."

Последнее десятилетие XX века было ознаменовано для социологии новым «походом за теорией», по выражению Джеффри Александра, очередной метатеоретической атакой на причинность. Видимо, недостаточно просто быть социологом в значении «мыслить социологически» или иметь «социологическое воображение». Новые, большей частью интуитивные процедуры в социологии, подвергаясь критике со стороны старой позитивистской школы, создают мифы о своем происхождении из идеи новой теории подтверждения и истины.

Данная работа задумывалась как генеалогическое заключение о характере некоторых современных социологических теорий; заключение, построенное на принципах того строго и точного логико-философского анализа, процедура которого является обязательной в естественных науках и которая редко практикуется в отношении социологии. Целью работы является построение родословной самой значительной ветви социологической науки - натуралистской парадигмы. Предполагается, что такого рода связь пронизывает всю историю социологии, поскольку, по выражению С.Мозма, «великие истины слишком важны, чтобы быть новыми».

Данная статья носит теоретический характер. Позитивистская программа рассматривается на нескольких уровнях абстракции: от философского, методологического и эпистемологического уровня до конкретно-прикладных аспектов социологического объяснения. Таким образом, работа одновременно представляет собой и экспертизу натуралистской модели объяснения, и методическую рекомендацию к рассмотрению социального действия.

В число задач этой работы входит систематизация основных положений натурализма, полное описание принципов натуралистского объяснения, изложение и упорядочивание критических замечаний и проблем, определение сильных и слабых сторон натурализма, оценка перспектив теоретического и практического использования натуралистских объяснений в социологии. В качестве новизны рассматриваемой проблематики выделяется задача определения защитных механизмов для дедуктивно-номологической версии натурализма. Такая защита, осуществляемая

на уровне логики и эпистемологии, должна обеспечить истинность и научность социологического вывода с точки зрения максимального исключения метафизики и умозрительных спекуляций «здравого смысла».

Полагая, что «лучший путь к истине, это - изучать вещи, как они есть, а не верить, что они такие, как нас этому учили» (Д. Локк), в работе предпринимается попытка определить место тем мифам и идеологемам, которые окружают позитивистскую доктрину и осознаются большинством современных социологов как «исторически сложившиеся обстоятельства». Эти мифы связаны с распространенными представлениями о том, «что изучает социология?», «как социология описывает причины и следствия?», «является ли социология эмпирической наукой?», «насколько достоверно социологическое знание?».

Истоки логического позитивизма

С появлением логического позитивизма связывают начало собственно социологии как науки. На этом этапе мировая наука обогатилась теориями языка и логики, подтверждения (confirmation) и наблюдения (observation), эмпиризма и рационализма. Деятельность «Венского кружка», интеллектуального центра философии и логики, дала социологии больше, чем десятки лет этнографических колониальных исследований.

Можно выделить два исторических корня логического позитивизма. Так в своей программной статье «Поворот в философии» М.Шлик представил генетическую линию развития от Лейбница до Б.Рассела и Г.Фреге. Сама идея «Венского кружка» была инициирована «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда. Основанием и развитием логики формальных отношений была заложена основа для будущей грандиозной эпистемологической реформы. Став вторым после аристотелевской классической логики силлогизмов инструментом познания, математическая логика послужила материалом строительства здания новой единой науки (своего рода Нового Органона Наук). Успехи, достигнутые в логике, убеждали в силе рациональных процедур мышления, заставляли верить в скорое и неизбежное слияние наук (при доминировании физики, биологии и математики). Отсюда пошло и название - «позитивизм». Задача, поставленная перед «венцами» - разработка системы критериев оценки качества теоретического вывода. Поэтому самое распространенное понимание позитивизма этого времени - это тезис единства метода.

Другое родовое понятие позитивизма - это система языка. Шлик считал, что Л. фон Витгенштейн был «первым, кто приблизился» к идеям позитивной науки в 1922 году в «Логико-философском трактате».

Новая методология проводила активный отбор пригодного научного знания и начала с атак на метафизику. «Философия - это не наука» ([1], с. 30) - утверждал М.Шлик. Требование заменить

содержательность как сверхзадачу формальностью стало важным этапом освобождения научного метода от химер и мистификаций обыденного сознания, что напомнило борьбу Бэкона с идолами. В целом 30-40е годы XX века европейская наука встретила в жарких спорах при общей победе рационализма. Наука, воодушевленная успехами естествознания и объяснявшая этот прорыв совершенством метода, предприняла попытку восстановить единое знание о мире и природе. «Набрав сил, огонь познания охватывает и остальное. Эти моменты свершения и горения - самое существенное. Весь свет познания идет от них. Поисками источника этого света философ на самом деле и занят, когда он ищет последний фундамент познания» ([1], с. 34).

Карл Гемпель и дедуктивно-номологическая модель

Карл Гемпель - австрийский логик и философ, один из активных деятелей «Венского кружка», теоретик логического позитивизма, автор дедуктивно-номологической модели. Наследие Гемпеля наиболее близко соотносит философию позитивизма с социологической теорией. Именно Гемпель, покинув Европу во времена нацистских гонений, оказал огромное влияние на развитие американской аналитической философии; современная социология, так же преимущественно американская, взяла в обоснование многие принципы как самого Гемпеля, так и его учеников и последователей.

Когда говорят, что натурализм является первой социологической парадигмой, имеют в виду значение вклада Карла Гемпеля в формулирование натуралистского научного объяснения. «Натурализм» в чистом виде представляет собой осовремененную версию натурфилософской доктрины, которая никогда не возникала и не исчезала, но, будучи свойственной природе человеческого разума, перетекала из одной философской формы в другую. До сих пор встречается понимание натурализма как рассуждений «здравого смысла», обыденного «естественного» объяснения, т.н. народных (folk) теорий. Так вот - это не тот натурализм, о котором пойдет речь далее. Под натурализмом мы понимаем научный подход, основанный на принципе логического анализа языка науки, тождественный логическому позитивизму и рассматривающий возможность общенаучного объяснения событий и явлений на основе сведений об их природе (как формальной природе языковых форм, так и материалистической). Такое определение не бесспорно, поскольку отождествление натурализма с позитивизмом не является полным.

Таким образом, в рамках *философского натурализма* можно выделить сразу две парадигмы по принципу объяснительных моделей, поскольку парадигма есть «общепринятый образец решения задачи», по Куну: марксистскую и позитивистскую. К *социологическому натурализму*, как это исторически сложилось ([2], с. 28-38), относят только позитивистскую доктрину; марксизм же является разновидностью структуралистской программы.

Социологический натурализм начался с провозглашения основных принципов: эмпиризм, верификация, логическая дедукция, рационализм.

Логический позитивизм является первым сужением тематики натурализма. Далее, в качестве второго сужения мы намерены рассмотреть *дискурс натурализма* на основе и в лице дедуктивно-номологической модели объяснения. Можно рассматривать паровоз вообще, философски и метафизически, но с точки зрения научного анализа необходимо и достаточно остановиться на схеме парового котла, когда хотят понять принцип движения.

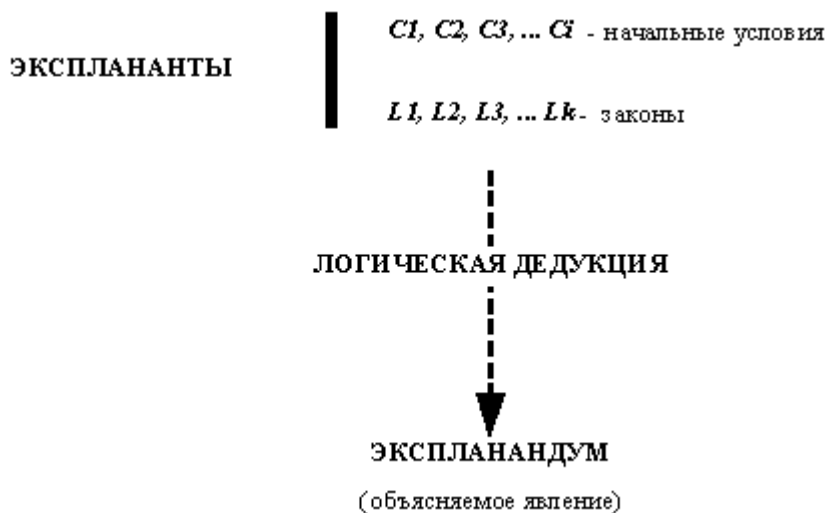
Дедуктивно-номологическая модель (ДНМ) была сформулирована К.Гемпелем в 1942 году (позднее в соавторстве с Оппенгеймом) на основе теории языковых каркасов Р.Карнапа. В научной историографии вопрос первенства в формулировании теории дедуктивно-номологического объяснения остается открытым. Традиционно считают, что теория Карнапа, особенно в части типологии языковых форм и «базовых понятий», оказала наибольшее влияние. Существует и другие версии. Любопытно описывал эту ситуацию Оппенгейм: «Как Питер (так было принято называть Гемпеля в кругу друзей - К.А.) объяснял в последующем письме, Карнап был поражен обнаружить, что мы действительно порознь думали в очень похожих направлениях, определяя концепцию подтверждения (confirmation) в двухуровневой форме; но он заметил, что мы выбрали направление, которое он приписывал Витгенштейну и, связанное, как он смог показать далее, с неэмпирической индуктивной практикой, то есть с тем, что ничему не учит из прошлого опыта» ([3], с. 3). В западной литературе ДНМ известна под именем модели «охватывающего закона», исходя из позитивистского принципа единого научного метода и возможности создания (открытия) единого принципа объяснения - закона («universal law»).

«Под общим законом, - писал К.Гемпель, - мы будем здесь понимать утверждение об универсальной условной форме, которое можно подтвердить или не подтвердить подходящими эмпирическими фактами» ([4], с. 231). Такие законы основаны на эмпиризме и должны не только объяснять явление или событие, но и симметрично предсказывать его возникновение. Здесь логический позитивизм пытается сделать шаг в сторону преодоления скептицизма Д.Юма. Так, Гемпель заявлял, что между экспланандумом (объясняемым) и экспланантом (объясняющим высказыванием) существует каузальная связь. Такая связь носит характер логической дедукции, что впервые было открыто еще Аристотелем в «Апостериорной Аналитике» и «Органоне»; связь

между законом или правилом («Все люди смертны») и эмпирическим свидетельством конкретного события («Сократ смертен»). Отвергая агностицизм Юма, позитивисты опирались частично на теорию логического атомизма Виттгенштейна-Рассела. ДНМ обрела смысл тогда и только тогда, когда допускалось, что если есть единичная атомарная связь между а и б, то предположение о наличии каузальной связи между классами А и Б, такими что $\forall a \in A$ и $\forall b \in B$, **логически необходимо**.

Эксплананты должны быть эмпирически верифицируемы и бывают двух видов: правдоподобный общий закон, из которого экспланандум выводится с логической необходимостью, и посылки, описывающие начальные условия (антецеденты) объясняемых событий.

Таким образом, К.Гемпелем была предложена модель объяснения, предназначенная как для естественных, так и для социальных наук. В общем виде она выглядит так ([4], с. 249):

Рассчитывая объяснить (предсказать) поведение человека, Гемпель столкнулся с антинатуралистской критикой, что потребовало, с одной стороны, четко сформулировать алгоритм объяснения, а с другой - определить рациональность как диспозицию, избегая упреков со стороны теоретиков модели рационального действия.

Так появилась «схема R» ([2], с. 30):

- 1) Деятель *A* находился в ситуации типа *C*.
- 2) *A* являлся рационально действующим агентом.
- 3) В ситуации типа *C* любой рациональный агент делает *X*.

Следовательно, *A* сделал *X*.

Для социологии это фактически означает создание первого алгоритма объяснения социального действия. «Схема R», в известной мере, позволяла агрегировать многие предшествующие теории социальной эволюции, детерминистские концепции школ одного

фактора, локальные объяснительные принципы. Это стало возможным, поскольку понятие рациональности, определенное Гемпелем как диспозиция, являлось переменным и могло означать любую нормативно-логическую систему. Таким образом, удалось реконструировать рациональное объяснение действия.

Некоторые замечания к «схеме R» являются формальными, другие - антинатуралистские - содержательными. Так, нетрудно заметить, что «охватывающий закон» является аналитической истиной, чисто логически выводимой из антецедента и принципа рациональности. Поскольку антецедент может быть произвольным, а принцип рациональности меняется в зависимости от антецедента (и в зависимости от субъекта, на чем настаивали участники дискуссии о «психической причинности»), то закон становится ситуационным, описывая конкретный случай, но не генерализируя похожие случаи. Здесь есть парадокс: намереваясь стать всеохватывающей, ДНМ локализуется для конкретных случаев, в то время как всеобщий закон более всего подвергается нападкам критиков.

Гемпель, понимая проблематичность формулирования «охватывающего закона» как категорического предписания, оговаривает *вероятностную* форму такого закона в духе эмпиризма: «Термин закон («law») предполагает идею о том, что утверждение в вопросе действительно удачно подтверждается доступными релевантными свидетельствами; поскольку такая квалификация, во многих случаях, иррелевантна для нашей цели, мы часто используем термин гипотеза универсальных форм или, короче, общая гипотеза («universal hypothesis») вместо общего закона и условие требуемого подтверждения отдельно, если необходимо» ([4], с. 231). Таким образом, ДНМ переходит в форму гипотетико-дедуктивной модели (ГДМ), повсеместно используемой в современной науке.

По пяти характеристикам «добротной научной теории» Томаса Куна ([5], с. 61-82) можно сказать следующее: дедуктивно-номологическая модель точна (ее следствия эмпирически проверяемы); в целом непротиворечива (поскольку логически точна, хотя и предположительна как всякая эмпирицистская дедуктивная система, по определению Имре Лакатоса ([5], с. 106-132); проста (упорядочивает явления, соотнося субъекта с действием через интенциональность); но, к сожалению, не имеет широкой области применения (поскольку, расширяясь, она обратно пропорционально уменьшает свою достоверность, увеличивая число потенциальных фальсификаторов) и не плодотворна (ибо упирается в узел философских споров о природе человека). Она, безусловно, «освещена естественным светом опыта» (Кун).

Дедуктивно-номологическая модель Карла Гемпеля в качестве символа натурализма воплотила в себе основные идеи, выработанные великими философами XIX и XX веков,

реализовала принцип единого рационального объяснения в науках. Таково понимание позитивизма как тезиса единства метода.

Некоторые трудности натуралистского объяснения

Возникновение критики теории Гемпеля относится чуть ли не ко времени самого создания этой модели. Эта критика происходила как со стороны идеологов самого позитивистского подхода (об этом подробнее в главе X «Базисные суждения» / [6]), его противников (феноменологическая теория А.Шуца), так и со стороны его последователей (Р.Джеффри, Д.Дэвидсон, У. Селларс и др.). Систематизируя выдвинутые аргументы, можно выделить некоторые темы, наиболее содержательные и представляющие особое значение для социологии:

1. Проблема интенциональности и рациональности

Большинство содержательной критики ДНМ связано с определением возможности интенциональных описаний (объяснений) действия в строгом эпистемологическом смысле.

«Мы называем человека сознательно рациональным агентом, - писал Гемпель, - если его действия рационально (в смысле некоторого ясно обозначенного критерия) связаны с теми из его целей или убеждений, которые он осознанно берет в расчет при принятии решения» ([4], с. 478-479). Такая трактовка действия подразумевает укоренение мотива в сознании и прямую однозначную связь между действием и намерением субъекта через цель, определенную Парсонсом как «функция». Проблема интенциональности является неотъемлемой частью натуралистского объяснения. Проблема рациональности связана и телеологическими допущениями. Поскольку критерий рациональности не может быть задан однозначно и универсально, описания рационально действующего субъекта строятся на интенции субъекта. Таким образом, рациональность становится диспозицией - любое желание становится рациональным. Следовательно, намерение становится основой понимания поведения. Однако оперирование терминами намерения, цели и мотивы отсылают к верованиям действующего.

Как справедливо заключал Куайн: «...Предложения вида «X верит, что p» в силу внутренне присущей им сложности не позволяют задать функцию истинности, или, иными словами, не подходят под исчисление предикатов» ([2], с. 124). В целом следует избегать абсолютизации интенциональных высказываний. Смысл и значение аргумента «Логической связи» состоит в том, что каузальные и рациональные (интенциональные) причины действия не тождественны. ДНМ построена на принципе поиска каузальности. Тогда следует признать, что использование чистых интенций искажает объяснение, превращая его в тавтологии типа «А сделал X, потому что А хотел

сделать X». Интенциональность приписывает действию качества, которые одновременно являются и его причиной, и входят в само описание действия.

ДНМ, используя процедуру причинного вывода, сталкивается с проблемой определения истинных и ложных целей действующего субъекта, а также с определением, являются ли эти интенции реальными и движущими причинами. Такая когнитивная детерминация действия предполагает наличие законов рационального поведения. Как показал Д.Дэвидсон, такие законы невозможны. Иными словами, рациональность может совпадать с причинностью, может быть другой, - это процесс неопределенный, не обладающий предсказанной законообразностью. Таковы некоторые сложности интенциональных описаний действий.

2. Проблема эмпиризма

Всегда считалось, что социология обязана логическому позитивизму своей эмпирической направленностью. Действительно, кодекс эмпиризма (фактически единственное общее методологическое верование, присущее любой современной социологической теории) возник как результат позитивизма. Но не в нем самом, а в спорах вокруг него; не благодаря, а скорее вопреки ему. Чистый позитивизм как раз начинал с разделения суждений на синтетические и аналитические («первая догма эмпиризма», по Куайну) и, отказываясь от содержательности и метафизики, равно как и от понятий чувственного опыта, основные надежды возлагал на формальность процедур логического вывода. Гемпель считал, что «объяснения действий как разумных или рациональных не являются эмпирическими законами» ([2], с. 31). Когда современная количественная социология опирается на эмпиризм как гарантию истинности и основной критерий верификации, она следует не рецептам позитивизма, а скорее преодолевает саму идеологию позитивизма, его догматику. Это большой миф в социологии, что позитивизм - это эмпиризм. Проблема понимания места эмпиризма в философии Гемпеля в том, что сам автор часто использовал термины Эмпиризм и Наблюдение в смысле требований к методу. Он, в частности, считал, что все эксплананты должны быть эмпирически верифицируемыми, однако «утверждения сопоставляются с утверждениями, а не с «опытом» ([6], с. 155). Эмпиризм, конечно, присутствует в позитивизме, но он вынесен за скобки процедуры объяснения, отнесен в область элементарного исхода логической процедуры, замурован в мрамор и поставлен на такой высокий пьедестал, *откуда он никому бы не мешал*. Демонстрируя это, приведем краткую логическую последовательность умозаключений Гемпеля и Нейрата. Сначала есть некое чувственно доступное событие, описание которого действительно эмпирично. Затем на его основе формулируется базисное суждение (А.Айер использует этот термин как эквивалент карнаповского Protokollsatz). Базисное суждение является элементарной посылкой, обусловленной перцептивным опытом. На

этом этапе устраняется метафизика и любая мистификация, то есть базисные суждения должны быть «стерильными». На этом начальном этапе эмпиризм и заканчивается, поскольку дальше идет разделение синтаксиса и семантики в понимании истины. Здесь форма отделяется от содержания. Критерием истинности на уровне практического вывода служит логика формальных отношений; эмпиризм, таким образом, является критерием истинности лишь на небольшом отрезке самых тривиальных суждений. Работа позитивиста происходит не с фактом или опытом, а с языком и переводом базисных суждений во все остальные (дедукция в чистом виде), абстрагируясь от их эмпирического содержания. «Не корректно говорить, как это часто делают, о «экспериментальном значении» термина или предложения как такового. В языке науки и по таким же причинам даже в околонучном дискурсе, отдельное утверждение обычно не имеет экспериментальной импликации» ([4], с. 102-103). Имеет значение *не соответствие мысли и действительности* (корреспондентная теория истинности), а *согласованность между мыслями* (когерентная теория истинности). Нельзя сказать, чтобы это было плохо или хорошо, но, во всяком случае, такая логика обеспечивает проблематичное течение значений в каналах истинности. То есть о всяком подобном логическом выводе мы можем сказать, что он бесспорен, хотя его содержательная сторона и может вызывать нарекания и приводить к парадоксам. Такие парадоксы были проанализированы в работе У.Куайна «Две догмы эмпиризма» (1951). Эта работа фактически подвела черту под попытками создания идеальной системы всеобщего знания, провозгласив единство синтетических и аналитических суждений. Одним из исходов натурализма, таким образом, стал денатурализм. В духе здравого прагматизма Д.Дьюи Куайн издевается над аналитическими тавтологиями. «Каждый x есть x » истинно, поскольку и до тех пор, пока x ничего не обозначает. Когда такая тавтология формулируется в виде протокольного предложения (наполняется реальным конкретным содержанием, по Карнапу), она становится очевидно бесполезной и бессмысленной. Так можно прийти к выводу, что суждение «В месте X в момент времени X идет дождь» не может использоваться без уяснения его семантического (т.е. эмпирического) значения.

К.Глаймур в главе «Логические эмпирицистские теории подтверждения» пишет: «Было ли основано появление всех эмпирических верований на убеждении в существовании феномена или на вере в наблюдаемые свойства наблюдаемых вещей, структура проблемы была одной и той же: какие связи между утверждениями о феномене или утверждениями-наблюдениями, с одной стороны, и утверждениями о материальных объектах или, соответственно, о ненаблюдаемых вещах или ненаблюдаемых свойствах, с другой стороны, позволяют утверждениям первого типа подтверждать утверждения второго» ([7], с. 10-11).

Таким образом, использование эмпиризма значительно проблематизирует эпистемологию, направленную на создание системного, генерализованного подхода (например, в теориях Т. Парсона или З. Фрейда), плохо уживается в дедуктивных системах. Влияние эмпиризма в таких случаях минимизируют. Ставка на эмпиризм характерна для индуктивных систем, которые благодаря или по вине этого становятся локальными (Middle Range Theories Р. Мертона), не имеют возможностей для демонстрации неких «великих» законов, с большой вероятностью становятся жертвами теории фальсификации.

Позитивистский эмпиризм - большой социологический миф.

3. Проблема вероятностного и индуктивно-статистического вывода

В честь 65-летия К. Гемпеля Уилфред Селларс в статье «Существуют ли недедуктивные логики?» ([3], с. 83-103) выдвинул 59 замечаний логического характера. В частности, он привел такой силлогизм, демонстрирующий очередную проблему ДНМ.

Все люди смертны.

Сократ - человек.

Следовательно, (обязательно) Сократ смертен.

или

Все техасцы богаты.

Гетти богата.

Следовательно, (обязательно) Гетти из Техаса.

Очевидно, что первый силлогизм истинен, в то время как второй ... возможно истинен, возможно нет. При использовании квантора всеобщности (\exists = «каждый»), вывод будет истинным, если «охватывающий закон» описывает полный набор antecedентов. Если только часть (техасцы - часть всех богатых людей), его вывод становится вероятностным. Здесь мы имеем дело с пропозициональными функциями. Понятие пропозициональной функции было введено Карнапом и Расселом в рамках теории экстенциональности и определялось как выражение, содержащее неопределенные элементы x , вместо которых подставлялись высказывания и при этом истинностное значение не менялось. В социологии большинство закономерностей имеют именно пропозициональный характер: их объяснительная способность подтвердить или опровергнуть истинность суждения (или опыта) зависит от *типа* исследуемого объекта, от его случайного ситуативного выпадения, от каждого конкретного кейса. Здесь следует говорить о модификации ДНМ: пробалистической или индуктивно-статистической модели. «Вполне возможно, - писал Гемпель, - что многие или все закономерности (regularities), которые будут открыты с развитием

социологии, будут иметь статистический вид» ([4], с. 252). То есть сам Гемпель в момент острой критики был вынужден признать, что стохастика существенно портит вселенский замысел его модели. В этой ситуации он окончательно развел (признал необходимость, хотя и не согласился) ДНМ и те её формы, которые затем стали называть моделями гипотетико-дедуктивного вывода. Гемпель высказывался против поголовной редукции его модели «охватывающего закона» к локальным пробалистическим моделям и обосновывал это так:

1) «индуктивно-статистическое объяснение выводит экспланандум только в более или менее вероятностной форме и не подразумевает дедуктивную точность» ([4], с. 488).

Статистическое объяснение дает нам корреляцию. Шаг от корреляции к причинности является весьма туманным вопросом в теории познания (Гемпель подробно рассматривает этот вопрос в Гл. 5 «Противопоставление дедуктивно-номологического и пробалистического объяснения» [8].

2) т.н. «эпистемическая относительность» вероятностного объяснения, когда знание о конкретной ситуации требует решения вопроса репрезентативности k по отношению к классу K . ДНМ этого не требует.

Однако, несмотря на это, Гемпель был вынужден признать «огромное научное значение пробалистического объяснения» ([9], с. 15), признавая его удачное и повсеместное применение в науках.

Таким образом, если не Гемпелем, то уже его учениками, был поставлен вопрос о надежности ДНМ и его модификаций для *конкретного* (например, социологического) объяснения.

Ричард Джеффри ([3], с. 108) так определял индуктивную вероятность, или степень подтверждения принятия гипотезы: $c(C,P) = (1-2^{-n})$, где P - это гипотеза, C - вывод, а n - число наблюдений. Гемпель называл это «силой объяснения» и считал, что идеальной ситуацией было бы $n=10$, поскольку тогда $c=1023/1024$. Действительно, при $n=1$, вероятность равна 0,5, то есть шансы «угадать» - 50 на 50. При $n \rightarrow \infty$, вероятность $\rightarrow 1$. (Jaakko Hintikka «Inductive Independence and the Paradoxes of Confirmation» / [9]). Логично также, что при $n=10$ зависимость имеет форму нормального, гауссовского распределения, характеризуя типичную с математической точки зрения ситуацию. Однако Джеффри пессимистично замечает, что «сила объяснения не будет больше при $n=10$, чем при $n=1$ », поскольку возможностей для объяснения при $n=10$ столько же, сколько и при одном кейсе.

ДНМ К.Гемпеля не ставит и не решает проблемы репрезентативности. Эта проблема становится важной (для Гетти из Техаса в частности), когда «охватывающий закон» становится пропозициональной установкой. Тогда сама модель переходит к элементам индуктивного вывода, оперируя с эмпирическими объектами. Следовательно, ДНМ не может быть использована для

решения задач объяснения там, где нет четко установленного и полно описывающего общего закона. ДНМ решает проблему *каузальности*. Пробалистические стратегии и индуктивно-статистический вывод решают проблему *корреляции*. Таков главный методологический вывод о способностях и недостатках натуралистских объяснений в науке.

Количественная социология: преемственность и переоценка

Вопрос статистических закономерностей в науках был поднят в генетике и квантовой физике. Вскоре, все сколь-нибудь надежные и существенные закономерности были описаны в статистической форме. Такие описания стали основой новой теории подтверждения в социологической науке. Первые успехи квантификации приписывают П.Лазарсфельду как основателю математически понимающей социологии (вслед за Парето). Основываясь на приведенном выше анализе, можно сформулировать главную проблему количественной социологии: с одной стороны, есть жесткие процедуры наблюдения и сбора эмпирических данных, и есть статистические процедуры подтверждения или опровержения корреляционных зависимостей, с другой стороны, есть процедуры логического вывода, на основе которых формулируются гипотезы (или законы) причинно-следственного отношения фактов (синтаксических, а не эмпирических); проблема в том, что между ними есть огромная пропасть неопределенности, поскольку «внешние» корреляционные отношения (частотные) не имеют логически необходимой связи с каузальными предположениями, основанными на нашем перцептивном опыте. То, что А коррелирует с Б, с точки зрения строгой теории знания, не означает, что А и Б находятся в причинно-следственных связях. Для практического вывода в социологии эта юмовская скептическая оценка означает, что честных процедур в социологии две: либо процедура корреляции (апостериорная), либо процедура каузальности (априорная); либо эмпирическая семантика, либо формально-нормативная синтаксическая редукция понятий; либо индукция, либо дедукция. В первом случае нет объяснения как такового, поскольку нет правила расстановки стрелок причинности ($A \rightarrow B$, $A \leftarrow B$, $A \neq B$, $A \rightarrow C \rightarrow B$), во втором - причинность не укреплена в эмпирике, не очевидна, часто бессмысленна. Количественная социология, конечно, выросла из философии логического позитивизма, но, преодолевая его недостатки и стремясь вобрать в себя все лучшее, что есть в логике, приобрела вид довольно нелепой эклектики - процедура количественного вывода работает проблематично, узко и с большими допущениями необоснованного оптимизма относительно надежности ее причинного вывода.

Профессор Вильгельм Виндельбанд едко замечал, что «социология никогда не станет полноценной наукой, потому что в ее названии латинский слог скачет на греческом - этот кентавр никогда не научится скакать». Это следует дополнить в метафорическом смысле пониманием

трудностей научиться «мыслить социологически», оставаясь при этом продолжателем традиций научной честности в крестовом походе за истиной. В такой ситуации проще совсем не надеяться на победу в споре с природой, чем создавать иллюзию знания.

Дедуктивно-номологическая модель в социологическом объяснении

Когда говорят, что социология как наука началась с позитивизма (логического, а не контовского), имеют в виду, что *процедура* социологического объяснения была изначально построена на принципах дедуктивно-номологической модели. Для анализа теоретико-социологического уровня натуралистского объяснения рассмотрим некоторые *практические* аспекты применения ДНМ для объяснения рационального человеческого действия.

«Мамонт» (пример)

Продемонстрируем работу ДНМ на конкретном примере. Для этого возьмем ситуацию из жизни первобытного человека - «охота на мамонта». Этот пример часто приводят в курсе общей социологии, желая показать студентам, что социологические законы имеют силу инстинкта, и начала социальной жизни могут быть найдены даже в глубоко доиндустриальном, почти природном мире. Смысл коллективной охоты заключается в простейшем разделении ролей, когда одним членам группы достается роль загонщика (гнать мамонта в нужном направлении, производя шум), а другим остается поджидать добычу в определенном месте с несомненными намерениями на ее счет. Пусть целью будет описать (а значит и предсказать, по Гемпелю) поведение «загонщика» в момент решения им задачи (интенции) по поиску пищи.

ОБЪЯСНЕНИЕ

1. Актор находится в ситуации коллективной охоты.
2. Актор является рационально действующим агентом
3. В такой ситуации любой актер стремится первым завладеть добычей.

4. Следовательно, актер будет преследовать добычу и стараться первым до нее добраться.

ПОЯСНЕНИЕ

1. Среда является конкурентной.
2. Задается критерий рациональности: максимизация полезности.
3. Сумма индивидуальных охот.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СХЕМА

Инстинктивная реакция.

Такое объяснение удовлетворяет требованиям и формальной логики, и позитивистской программы. Как и другое объяснение этого же antecedента.

ОБЪЯСНЕНИЕ

1. Актер находится в ситуации коллективной охоты.
2. Актер является рационально действующим агентом
3. В такой ситуации любой актер стремится гнать добычу от себя в заранее подготовленную ловушку.
4. Следовательно, актер будет отгонять от себя добычу.

ПОЯСНЕНИЕ

1. Среда является кооперирующей.
2. Актер находится под условной диктатурой коллективного критерия рациональности.
3. Социально детерминированный феномен.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СХЕМА

Социальная программа.

Таким образом, мы имеем дело с некоторым парадоксом, когда одинаково хорошо и достоверно описаны два исхода, взаимоисключающие друг друга в том смысле, что они не могут быть применены на практике одновременно. И любопытно было бы посмотреть на того доисторического человека, которому предстоял бы выбор этих теоретических логик - выбор, прямо скажем, судьбоносный. Если бы речь шла о бихейвиористском объяснении, можно было бы предположить, что актер действует (бежит за добычей) и в первом, и во втором случае, то есть может быть полимотивированным субъектом; для классического натурализма смысл объяснения не в действии как таковом, а в интенции, то есть осознанном целерациональном акте свободы воли как причины действия, и в этом смысле телеологическое объяснение должно быть однозначным. Рассмотрим этот парадокс подробнее. Антецеденты здесь одни и те же. Различие заключается в разном понимании критериев рациональности. Это и есть та самая проблема интенциональности, частным случаем которой является проблема рационального описания действия, что в социологии играет важную роль. Критерии рациональности в ДНМ не указываются, а остаются за скобками. Однако моделей рационального поведения, от теории рационального выбора и моделей экономического поведения до моделей обмена и теорий инструментальной рациональности, довольно много. «В отсутствие более объективного критерия рациональности целей любой самый странный поступок может быть представлен в качестве разумного, если постулировать соответствующие безумные желания и (или) убеждения» [10]. А поступок нормальный во всех отношениях истолкован неверно. Гемпель ввел рациональность как диспозицию, считая (хотя это и не в правилах карнаповской программы), что эмпирическая реальность расставит все на свои места, то есть тот или иной критерий рациональности может быть определен как лучший или худший по степени эффективности его использования. Однако, во-первых, этого может и не знать актер: совершая акт свободы воли в виде выбора стратегии, сам набор таких стратегий может быть неопределен. Поэтому инцест, например, может быть нерациональным поведением для европейской культуры, оценивающей его в биолого-генетическом плане, и вполне естественным и рациональным в некоей туземной культуре, где инцест является символическим регулятором

экономических связей. Во-вторых, эмпирическая проверка эффективности рациональности сталкивается с проблемой эмпирического наблюдения. Действительно, наблюдая за охотой на мамонта можно прийти к выводу, что только коллективная «ролевая» охота (второй вариант) является правильным решением задачи - эффективным и, следовательно, рациональным. Но, возвращаясь к исходной цели создания ДНМ, вспомним, что задача объяснения была симметричной предсказанию, потому что пропозициональное высказывание было *априорно*, т.е. предшествовало опыту (да и опыт как эмпирический факт не предполагался). Использование дедукции позволяло Гемпелю рассчитывать на редукцию всех объяснений к неким «базовым понятиям» через протокольные предложения Карнапа. Как писал Б. Рассел: «Утверждения о реальной действительности, которые кажутся нам заслуживающими доверия независимо от каких-либо аргументов в их пользу, можно назвать базисными суждениями. Они связаны с определенными невербальными событиями, которые можно назвать «чувственным опытом». Природа этой связи является одним из фундаментальных вопросов эпистемологии» ([6], с. 15). Как показывает практика, по мере того, как ДНМ все дальше и дальше «разворачивает» дедуктивный вывод и, удаляясь от тривиальности «базисных суждений», приближается к все-таки физическому миру, дедуктивные каналы истинности приобретают неуверенность и не работают. Тогда, в области непосредственной близости от эмпирических объектов, возникают и функционируют другие, чаще всего апостериорные теоретические логики. В частности, пробалистические и индуктивно-статистические стратегии, методологические основания которых были рассмотрены ранее. Когда ДНМ зависит от опыта, подтверждающего или нет ее *гипотетический* вывод, тогда, по выражению К. Глаймура, «решается половина позитивистского вопроса», то есть ДНМ и любое другое натуралистское объяснение становится локальным (даже используя «охватывающий закон»), сама дедуктивная система перестает быть закрытой и самодостаточной и, наконец, перетекает в сторону денатурализованного куайновского **релятивизма**.

Вернемся к «охоте на мамонта» и ответим на вопрос, почему первый вариант объяснения - ложный, а второй - истинный. Смогла бы дедукция ответить на этот вопрос, опираясь, согласно Декарту, на саму процедуру своего логического вывода? Если бы нам не был известен правильный ответ (практика реальной охоты), мы получили бы пробалистическое объяснение, то есть обычное гипотетико-дедуктивное предположение. Его проверка потребовала бы привлечение «опыта». Как ДНМ соотносится с опытом, встречаться и тем более прибегать к которому изначально не предполагалось? Вывод, известный как парадокс Гемпеля, таков: «Гипотеза, что все вороны черные, подтверждается наблюдением белого ботинка» ([7], с. 157).

Итог очевиден: модель Гемпеля не имеет модификационных возможностей повысить чувствительность к стохастике эмпирического мира. Идея чистой логической дедукции и

совершенного формального знания не удалась. «Дело подтверждения гипотезы из уважения к одной теории и вместе с тем не подтверждение противоположной гипотезы из уважения к другим теориям не означает (determine) того, должно ли наблюдение считаться подтверждением первой гипотезы как таковой. Это может означать частично, *насколько важно* такое подтверждение, в зависимости от структуры двух теорий, от другого доказательства, доступного для них, и ни от чего более» ([7], с. 161).

Такое знание конъюнктивно: оно зависит от субъективной приверженности ученого (социолога) к той или иной концептуальной схеме - блестящий алгоритм дедуктивно-номологической модели может быть наполнен любой теоретической начинкой, ведущим символом которой будет являться та или иная трактовка рациональности. И это может стать новой метафизикой.

Завершая историю с мамонтами, отметим, что общие проблемы объяснения в ДНМ делают сомнительным наше «знание» об истинных интенциях человека. Мы можем уверенно сказать о том, что нам известно желание первобытного человека - поесть. Но из этого, не имея однозначно определенного критерия рациональности, мы не можем объяснить его «странное» поведение. В итоге, мы можем утверждать что-то об общем законе, но ничего не узнаем о рациональности в принципе. (Заметим также, что рациональность должна быть определена **заранее**, то есть априори, а не переформулирована после опыта, чтобы не превратить ДНМ в фабрику тавтологий - бессмысленных и неточных.) В этом случае мы не сможем сделать однозначный вывод, как сам актер интерпретировал свои действия, какой принцип полезности он признавал и, в конечном счете, насколько рационально он действовал. В данном примере этот недостаток модели тем более очевиден, что мы заранее знаем, что актер вообще не был рациональным субъектом, а действовал по аффективному или традиционному типу социального действия (Вебер для таких типов действия считал возможным лишь ненаучное *actuelles Verstehen* / [10]).

Насколько хороша ДНМ для применения в социологии? Модель дает удовлетворительное объяснение, достаточное для каждого. Для каждого, кто не знает о природе охватывающего закона, сформулированного интуитивно. Для каждого, кто считает то или иное ситуативное определение рациональности правильным («логичным»). И, наконец, для такого каждого, кто не знает о реальных, эмпирических следствиях действия. Эти следствия для такого каждого могут быть просто непредсказуемыми и абсурдными. Таким образом, ДНМ Карла Гемпеля имеет очень низкую чувствительность к **феноменам** социального мира. Если феномен, открытый каким-то другим волшебным образом положен в основу закона, то модель работает отлично. Самостоятельно открыть подобный феномен модель не может. Поэтому мир, созданный и описанный ДНМ - это мир логичный, а не феноменальный. Когда же модель застревает, то есть

эмпирическое свидетельство указывает на исход, обратный предполагаемому, - это является признаком наличия здесь «другого решения», нового феномена. Впрочем, такое следствие случайно и не обязательно продуктивно.

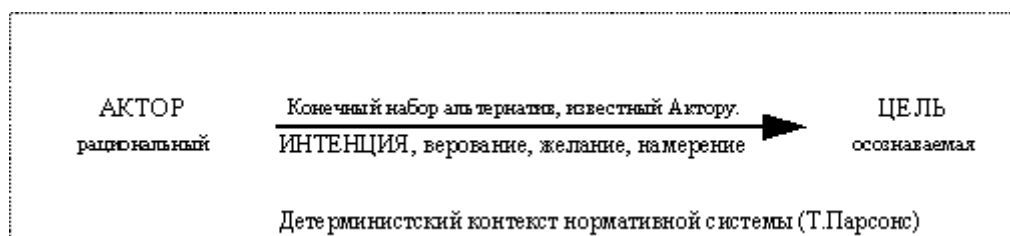
Второе следствие состоит в том, что благодаря свойству быть великолепно применимой к уже открытым истинам, точнее к их экстраполяции на локальные области знания, ДНМ остается востребованной и актуальной в научном социологическом сообществе. Она выполняет функцию аксиоматизации знания, некоего первичного теоретического конструкта, в качестве которого могут выступать теории социального действия, социальных систем и т.д. ДНМ институционализирует знание. Любое знание. Блестящий образец - фрейдизм, построенный на трансляции своих аксиом, не заботясь и не спрашивая, действительно ли эти аксиомы так очевидны и тривиальны, что не требуют доказательства. ДНМ служит «классикам» социологической теории и тем, кто рассчитывает занять их место. Это грозное оружие, не имеющее внутренней защиты от проникновения всякого рода метафизики, с борьбы с которой и начиналось позитивистское движение.

Единственной защитой науки против здравого смысла был и остается логико-эпистемологический и методологический анализ.

Теории социального действия

Как было показано ранее, ДНМ следует считать прообразом всех интенционалистских, телеологических и рациональных теорий современной социологии, «работающих» в рамках натурализма.

Теория М.Вебера, в частности, определяла действующего актора как действующего субъективно осознанно, целерационально и с ожиданием социального взаимодействия.

Фактически, если не обращать внимания на теорию «понимающей» социологии Вебера, нетрудно заметить явное сходство с ДНМ. Теория социального действия Т.Парсонса также основана на натуралистском методе, хотя и относится к структуралистской парадигме. Здесь ставится знакомая уже задача, объяснить действие через «точку зрения действующего».

Логично предположить, что те трудности, которые были указаны нами ранее относительно ДНМ, транслируются и на эти теории социального действия, являющиеся, по сути, базовыми элементами современной социологической теории.

Таким образом, вопрос рассмотрения модели Гемпеля является не только знаком уважения к исторической роли логического позитивизма в науке, но также вполне актуальным и небесполезным занятием для обеспечения современного метатеоретического синтеза. Логический позитивизм мертв, но его окаменевшие останки, как это не странно ввиду колоссального объема критики, являются основными элементами вполне действующих механизмов социологического объяснения. Рассматривая эти атавизмы, мы делаем шаг в сторону научного прогресса.

Программа социального бихейвиоризма

А здесь обратная ситуация. Бихейвиоризм не использует ДНМ, но является продолжением натурализма. С этой точки зрения он интересен как попытка преодолеть интенционалистские и рационалистские проблемы классического натурализма. Следует признать успех этой попытки, оценивая объяснительные возможности социального бихейвиоризма как высокие.

Б.Ф.Скиннер [11] подвел под натурализм, испытывающий к 1971 году состояние методологического тупика по вине принципиальной неразрешимости проблемы интенционализма, трезвую и прагматичную программу психологического бихейвиоризма. Разрубить «гордиев узел» споров о внутренней природе человеческого мышления помог свежий взгляд на детерминизм и свободу воли.

Теория оперантного поведения перенесла познавательный акт из области субъективных интенций актора в область практических актов целедостижения. Проблему рациональности возможно снять, только отказавшись от рассмотрения рациональности как участника процесса принятия решений, и сместить фокус от деятеля к действию, о котором мы можем сказать гораздо больше и на основаниях более серьезных, чем наши надежды, допущения и интуитивные догадки о намерениях. Вопрос понимания с точки зрения субъекта действия снимается, когда действие рассматривается в отрыве от намерений субъекта и с акцентом на обусловленность действия средой. Для Скиннера нет актора, переживающего свои решения свободы воли, а есть поведенческая реакция, условия поведения и его последствия. Такова альтернативная дедуктивно-номологической программа натурализма - теория социального бихейвиоризма, успешная и по сей день.

«Нет ничего опаснее для новой истины, чем старые заблуждения».

И. Гете

Заключение

Натурализм по праву занимает место первой парадигмы в социологии. Безусловный вклад натурализма в социологию состоит в том, что в рамках логического позитивизма были разработаны процедуры социологического вывода - процедуры не идеальные, процедуры спорные, но снова и снова профессиональные.

Натурализм - удачная комбинация идеала строгой научности и естественности, простоты и незатейливости объяснений. Такие объяснения понятны, потому что основаны на нашем перцептивном опыте; они «обычны», потому что написаны на языке природы. Их привлечение для объяснения человеческого действия освежает социологию, *действительно* возвращает ее на почву эмпиризма, наполняет ее каналы истинности знанием. Такое знание не «строит для души убежище в туманах», как выразилась мадам де Сталь о метафизике. Это знание профильтровано в жерновах логики и теории истинности.

В последние десятилетия новые поиски в теоретической социологии часто приводят к созданию неких реконструкций «подлинной» науки о человеке. Все чаще социологические инновации приобретают вид законченной теории на основе принципа Ч.Р.Миллса - «Каждый сам себе методолог!». Наличие многих локальных объяснительных моделей фрагментирует социологию. Наверное, это неизбежно, учитывая пессимизм современной философии науки. Но если для естествознания такое положение вещей нормально, поскольку для методов физики или биологии набор альтернативных объяснений и теорий ограничен наличием эмпирических свидетельств и экспериментальных измерений, т. е., по словам И.Бродского, «число цветов в спектре ограничено», то для социальных наук принцип методологического плюрализма Фейерабенда имеет фатальные последствия. Главное негативное следствие новых поисков в социологии - антагонизм, возникающий между адептами той или иной великой метафизики социологического мышления. От них же исходит представление о позитивизме как о реликте, как о доисторически наивном проекте всеобщего знания, как о катехизисе научности. Это и в самом деле так: современные социальные исследования науки показывают, что термин «позитивизм» перестал означать что-либо, кроме общего убеждения в эмпирическом предназначении социологии, кроме общей веры в возможности познающего субъекта. «Теория важна постольку, - считал Гете, - поскольку она заставляет нас верить в связь явлений». Современное звучание позитивизма - это атрибут, символ, признак профессиональной социологической идентификации, сигнал причастности к знанию истины в социологической науке. Поэтому позитивизм - это основательная вчерашняя доктрина, а «доктрина - это не что иное, как затвердевшая оболочка, нафаршированная истинами» (Г.Бичер). Такова натуралистская перспектива.

Не обязательно нужно быть позитивистом или натуралистом, чтобы иметь специальный доступ к знанию, но, как сказал М.Метерлинк: «С течением времени жизнь убеждает каждого, что нет чудес, кроме истины».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия. Избранные тексты., сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф.Грязнов. - М.: МГУ, 1993. - 181 с.
2. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. - М.: TEMPUS/TACIS, 1996. - 174 с.
3. Essays in honor of Carl G. Hempel. (A tribute on the Occasion of his Sixty-Fifth Birthday). D. Reidel Publishing Company Dordrecht - Holland, 1969.
4. Hempel Carl G. Aspects of Scientific Explanation and other Essays in the Philosophy of Science. The Free Press, New York.; Collier - Macmillan Ltd., London, 1965.
5. Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. - М.: «Логос», 1996. - 400 с.
6. Рассел Б. Исследование значения и истины. - М.: Идея-Пресс, 1999. - 400 с.
7. Glymour Clark Theory and Evidence. - New Jersey, Princeton, 1980.
8. Hempel Carl G. Philosophy of Natural Science. - Prentice-Hall Inc, 1966.
9. Hempel Carl G. Explanation in Science and in History // Frontiers of Science and Philosophy. Univ. of Pittsburgh Press, 1962. - p. 9-33.
10. Девятко И.Ф. Инструментальная рациональность, полезность и обмен в теориях социального действия. // Новое и старое в теоретической социологии. Кн.1. - М.: ИС РАН, 1999. - 340 с.
11. Skinner B.F. Beyond Freedom and Dignity. - England.: Penguins Books Ltd, 1971.

Кожанов Андрей Александрович, студент 5 курса Гуманитарного факультета Московского государственного авиационного института (технического университета)